

Кукольник Нестор Васильевич

**Два Ивана, два Степаныча, два
Костылькова**

Часть 3 и 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н56

Н56 **Нестор Васильевич К.**
Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова: Часть 3 и 4 / Кукольник Нестор Васильевич –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 444 с.

ISBN 978-5-519-91667-7

ISBN 978-5-519-91667-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Пусть поотдохнуть, отвѣчалъ Степанычъ грустно. Чего спѣшить?

И конечно, чего спѣшить, когда ему очень хорошо было извѣстно, что Борисъ Петровичъ также вчера располагалъ выбратъся изъ Москвы и получить отъ Колычева такое же проѣзжее письмо, какъ и Степанычъ.

— Кстати, продолжалъ онъ: я осмотрю городъ. Знаешь ли, Сергѣй, что Волоколамскъ знатный городъ и значитъ въ исторіи?

— Не знаю.

— Тутъ короля Жигимонда воеводы Карамышевъ и Чемесовъ такъ отчесали, что радъ былъ убратъся отсюда...

— А мнѣ какое дѣло!

— И я прежде такъ думалъ, а теперь у меня сердце бьется какъ вспомню какъ и гдѣ росла наша слава и доброе имя. Ты, Сергѣй, закуску приготовь, а я пойду, поищу, гдѣ тутъ мѣсто Полкѣ; тамъ вражій станъ стоялъ...

Вышелъ Степанычъ на улицу, и уныніе запало въ его душу. На возвышеніи торчала полуразрушенная земляная крѣпость, къ которой съ той и этой стороны прилегали плохіе посады. Правда, Воскресенскій соборъ, недавно перестроенный, напоминалъ московскіе храмы, но ужъ за то церкви на посадахъ едва были замѣтны. Почернѣвшія маковки темнѣли въ двухъ трехъ мѣстахъ и пугали зрителя своею ветхостью. Мосты и на Городкѣ и на Вѣсовкѣ походили на огромныя рѣшета, и горе тому, кто считалъ звѣзды, проходя по ихъ истѣв-

шимъ доскамъ. Были будни, а это лишасть и нынѣ русскіе города всякой жизни; была въ тотъ день пятница; даже бани были заперты, тѣмъ паче ворота обывательскихъ дворовъ. Скоро осмотрѣлъ Степанычъ всѣ достопримѣчательности города: видѣлъ и Полкѣ, то есть пашню подъ замершей зеленью озимой ржи, пришелъ и домой, и купилъ по дорогѣ что-то, лишь бы отвязаться отъ цѣпкихъ ходячихъ магазиновъ и закусилъ... Всѣ поводы мѣшкать истощились, и Степанычъ уѣхалъ.

Неудобства на постоянныхъ дворахъ, трудность достать хорошую пищу, возраставшіе морозы, все побуждало Сергѣя и конюховъ торопиться, и въ воскресенье, послѣ вечеренъ, поѣздъ загучалъ по бревенчатой мостовой города Ржева. Тутъ было повеселѣе. И народу побольше и строеніе почище, и Волга, правда, нѣсколько непохожая на себя двѣсти, триста верстъ дальше, да все-таки Волгаматушка. Хотя уже было темненько, хотя поѣздъ и остановился на Князь-Дмитріевской Сторонѣ, но Степанычъ не утерпѣлъ, отправился къ рѣкѣ и нашелъ на берегу толпу народа, который какъ будто о весьма новомъ и небываломъ событіи разсуждалъ: станетъ ли въ эту ночь Волга, или нѣтъ? Степанычъ очень былъ доволенъ, что рѣка примѣтно покрылась густымъ льдомъ; это естественное препятствіе утѣшало его совѣсть, и ночь проведена была въ отличномъ спокойствіи и веселіи; да, онъ и спалъ какъ-то весело; но утромъ всѣ надежды разрушились... Сергѣй, приказавъ закла-

дывать лошадей, разбудилъ Степаныча, и объявилъ, что поромъ скоро перестанетъ ходить. Надо сѣштить переправой.

— Не могу, Сергѣй! сказалъ Степанычъ. Мнѣ что-то нездоровится. Притомъ и Ржева-то я не видалъ.

— Увидите въ другой разъ...

— Ахъ ты, Сергѣй, Сергѣй! Да знаешь ли ты, что гетмана Жолкѣвскаго тутъ отразили съ большимъ урономъ...

— Да когда это было! А вотъ теперь мы сами въ полонъ сядемъ дней на пять! Вѣдь мы не куда ни есть на прогулку, а на службу ѣдемъ! Вѣдь съ насъ Военная Коллегія взыщетъ, на отговорки не посмотритъ; да и какъ тутъ отговоришься, когда другіе позже насъ выѣхали, а пріѣдутъ раньше.

— А кто эти другіе?

— Да вотъ теперь на поромъ ставятъ повозки Словцевскія; почитай цѣлымъ днемъ послѣ насъ изъ Москвы выѣхали...

— Словцевы!

— Ну, да! Словцевы! Ихъ плотъ первый, я имъ ради вашего покоя уступилъ; говорю пусть его выснится; а второй намъ, а ужъ третьяго Волга чай и не пропуститъ: ледъ такой, затираетъ и плоту ходъ...

— Да что ты это, Сергѣй, право, на мой сонъ смотришь, когда у насъ нужда служебная! Проворнѣе закладывать!

— А перекусить не хочешь?

— Куда тутъ перекусывать, когда Волга за-
тираетъ.

И въ три мига былъ готовъ Степанычъ; еще конюхи не успѣли управиться, какъ онъ уже былъ у пристани, гдѣ та же толпа разсуждала о томъ же. Плоть возвращался, съ трудомъ, пробиваясь между льдинъ; воротился въ самое то время, когда къ пристани подѣхали Костыльковскія повозки.

— Ну, ѣхать, такъ ѣхать! закричалъ Степанычъ. Ставь повозки!

— Нельзя! сказалъ староста: больно стынетъ. Посреди рѣки замерзнешь.

— Вздоръ! еще успѣемъ!

— Усиѣвай-себѣ какъ знаешь, а ужъ мы не моведемъ.

— Да я васъ въ судъ! Вы взялись перевезти, такъ и перевезите!

— Мало ли чего! Почему мы знали, что такая стужа захватить?

— Да я тебя!..

— Полно, баринъ, горячиться! Вотъ благо комиссаръ идетъ на пристань. Уйметъ онъ вашу милость крикуновъ съ хвостиками; еще не служилъ, а ужъ покрикиваетъ, будто шведскаго генерала въ полонъ взялъ. погоди, вотъ тебѣ комиссаръ...

Но каково же было удивленіе, когда въ лицѣ комиссара Степанычъ узналъ нашего добраго знакомаго, Галунчикова.. Комиссаръ же издали кричалъ: Не пускаты! Нѣтъ ѣзды! Но когда спустился къ рѣкѣ и увидѣлъ Степаныча, оторопѣлъ,

снялъ шляпу и не зналъ какъ привѣтствовать гостя.

— А, Өомка! закричалъ Степанычъ: Такъ это ты здѣсь земскій комиссаръ?!..

Галунчиковъ подошелъ къ Степанычу на самую ближайшую дистанцію и произнесъ тихо:

— Иванъ Степанычъ! не погубите! Я уже не земскій комиссаръ, чтобы этому Бурунову, олуху и лѣнтяю, добра не было. Учинилъ униженіе, а съ меня взыскали, и вины не объявили; я и выскочилъ изъ должности и, ради хлѣба куска, сталъ комиссаромъ на пристани.

— Мнѣ до всего этого дѣла нѣтъ! Вели, Өомка, меня сейчасъ перевезти на ту сторону, а не то я въ твои дѣла и здѣсь вмѣшаюсь...

— Самъ перевезу, Иванъ Степанычъ, будь благонадеженъ! Подавай плотъ, ставь повозки!..

Съ необыкновенною поспѣшностью устави́ли повозки, поромъ пошелъ съ величайшимъ трудомъ, но предусмотрительный Галунчиковъ запасся въ одно мгновеніе и баграми и ломами, и плотъ пробивался хотя съ уси́ліемъ, но успѣшно. Волга въ этомъ мѣстѣ неширока и съ небольшимъ въ часъ Степанычъ былъ уже на той сторонѣ. О прошедшемъ и поговорить не успѣли. Оба какъ-будто спѣшили разстаться. Степанычъ не спрашивалъ; Галунчиковъ не любопытствовалъ, хотя не безъ интереса поглядывалъ на колымагу, лошадей и капральскій мундиръ Степаныча. Простились тоже на скорую руку; на Князь-Өедоровской Сторонѣ Степанычъ не хотѣлъ и останавливаться,

боясь, чтобы Галунчиковъ отъ людей чего не свѣдалъ, и пустился въ путь-дороженьку, а Ѳома Ильичъ остался на пристани, какъ доброму комиссару слѣдовало. Разстались. Добрые кони понесли поѣздъ и тогда только, сидя въ колымагѣ, Степанычъ опомнился. Гдѣ-же Словцевы? Чай они остановились на этой сторонѣ лошадей кормить. Не обождаютъ ли ихъ? Да какъ же поджидать ихъ въ открытомъ полѣ?.. И въ самомъ дѣлѣ, морозъ крѣпчалъ, сѣрое небо обѣщало снѣгъ... Можно обождать и на привалѣ... Такъ нѣтъ же, и тутъ неудача. Видно Словцевъ больно сиѣшилъ на службу: въ каждой деревушкѣ, а ихъ тутъ очень мало, Степанычъ находилъ слѣдъ своихъ знакомцевъ, но вездѣ опаздывалъ; къ вечеру перваго дня сталъ идти снѣгъ; на другой день была уже порядочная пороша; а когда поѣздъ достигъ Осташковскихъ Патріаршихъ Слободъ, окрестъ дороги установилась зима; рѣки и озера, которыя поменьше, заснули подъ ледяно-снѣжнымъ одѣяломъ надолго. Стало скучно, хотя въ этомъ болотномъ отечествѣ Волги и Двины и никогда не бываетъ весело. Старикъ Селигеръ-Озеро съ своими многочисленными дѣтьми, разбросанными отъ него не въ дальнемъ разстояніи, наполнялъ воздухъ своимъ влажнымъ дыханіемъ; сыро, туманно, а зима для этого края, что солнце: отвердить, просушить и станетъ эта земля похожа и на другія русскія земли. Не знаю каковъ нынѣшній Осташковъ, городъ, да еще и уѣздный, а тогдашнія Патріаршія Слободы, хотя и были обнесены землянымъ валомъ, но внутрен-

нимъ строеніемъ не отличались отъ селъ, и даже многимъ уступали имъ. Во всѣхъ слободахъ былъ только почтовый станъ, да монастырская гостиница. Отъ гостиницы получался доходецъ, который едва ли не превышалъ прибылей съ рыбныхъ ловель Селигера съ дѣтьми. Тутъ всегда было полно, въ какое время угодно. И хотя было довольно поздно, когда въ Осташковскія слободы пріѣхалъ Степанычъ, въ гостиницѣ еще горѣли огни, шевелились люди. Повозки не могли укрыться на дворѣ гостиницы и стояли на дорогѣ обозомъ.

— Мѣста нѣтъ... сказалъ кто-то Сергѣю.

— Да гдѣ же на ночь пристать?

— Гдѣ пристать? Въ гостиницѣ. Можешь лошадей у повозокъ покормить, а господа отдохнуть въ сборной избѣ.

— Да нельзя ли, спросилъ Степанычъ: у крестьянъ или у другихъ обывателей?...

— Попробуйся, коли пустятъ. На то отъ вѣка стоитъ запретъ: окромя гостиницы, проѣзжихъ не принимать. Не изволь трудиться, пожалуй въ избу, а стужа неважная, лошади не замерзнутъ, а поѣдешь въ путь, отогрѣются.

— А люди?

— Люди! На то есть черная изба; въ очередь будутъ грѣться.

— Да какъ же это можно! Вѣдь это прижимка!

— Какъ знаешь! Не хочешь, поѣзжай откуда пріѣхалъ! А намъ уже указа старшихъ переступать не слѣдъ.

— Нечего дѣлать! со вздохомъ сказалъ Степанычъ, и вылѣзъ изъ колымаги. Наказавъ Сергѣю занять въ колымагѣ его мѣсто, общалъ притти на смѣну, какъ только осмотрится въ избѣ и закажетъ ужинъ. Въ сборной избѣ Степанычъ нашель нѣсколько человѣкъ порядочно одѣтыхъ и сердце у него забилося: между ними сидѣлъ Борисъ Петровичъ Словцевъ и, слушая рассказы какого-то проѣзжаго, дремалъ пренсправно. Онъ и не замѣтилъ вошедшаго; за то ораторъ тотчасъ обратилъ на него вниманіе и свое и собесѣдниковъ.

— Съ пріѣздомъ, товарищъ! сказалъ онъ. Скоро изба, что боченокъ со снятками будетъ! Благо, что женскаго пола только одна штука; будь двѣ, такъ и соснуть было бы негдѣ. Не покой, а конурка... За то ужъ харчей, какихъ хочешь, проси! Соленой рыбы—есть: вяленой — горы; сушеной — гибель; копченой видимо-невидимо; только свѣжей нѣтъ; погоди до завтра, изловятъ. Эй! цѣловальникъ, настопчи!..

— Я признаю, сказалъ Степанычъ тихо: что сосѣдство женскаго пола поставяетъ каждого въ долгъ хранить нѣкую тихость...

— Можно бы, отвѣчалъ ораторъ: еслибъ было гдѣ прилечь, да соснуть, а то на такомъ стулѣ, что безъ полотна и спинки, не задремлешь, а на столѣ не растянешься, да и страшно: того гляди, подумаютъ, что жареное, да и скушаютъ... Эй, цѣловальникъ, настопчи!..

— Это правда, что и сѣсть негдѣ, только я

ужь положилъ себѣ правиломъ, сѣсть на ноги тому, кто болтаетъ; ему, видно, спать не хочется, такъ пусть меня качаетъ, да сказкой тѣшитъ...

Собесѣдники посмотрѣли съ любопытствомъ на Степаныча и съ улыбкой на оратора. Эта улыбка и настойка подстрекнули самолюбіе незнакомца.

— А позволь спросить, съ кѣмъ это привелось мнѣ говорить?..

— Не мнѣ отвѣчать, а тебѣ; ты меня задѣпилъ. Я никогда съ незнакомымъ въ споры не вступаю; а если кто меня атакуетъ, я ему не покажу тыла, а наступлю на горло и заставлю сдаться на аккордъ... Защищайся! Я наступаю!

Громкій хохотъ разбудилъ Бориса; онъ со сна смотрѣлъ съ удивленіемъ на собесѣдниковъ. Степанычъ дѣйствительно собирался наступать, то есть, сѣсть незнакомцу на колѣни, отъ чего тотъ какъ могъ защищался, повторяя: Чего ты ко мнѣ привязался! Отстань! Чего тебѣ надо?

— Чтобъ ты молчалъ, когда другіе отдыхать хотятъ...

— Да я молчу...

— Замолчишь, какъ ротъ замурую...

— Право, закричу!

— Право, побью! Я военный человекъ; мнѣ подраться ни почемъ...

— Помилуй!

— Вотъ это дѣло иное! Гляди же, сиди смирно, а не то... А, Борисъ Петровичъ, извините, что разбудилъ: за то ужь теперь извольте дремать на покоѣ. Такъ будетъ тихо, что муху слышите.

— Отложите попеченіе! Мнѣ ни почемъ! Съ такой дороги, подъ громъ заснешь; да вотъ сестра бѣдная...

— А что Ольга Петровна?

— Плохо. Насилу, на великую, съ старыми хромами разсталась. Дай Богъ довести до Петербурга. Спѣшу, будто на почтовыхъ.

— Да, я замѣтилъ. Изволили выѣхать позже меня, а въ Осташковскія Слободы прибыли раньше.

— А вы почемъ знаете, что я выѣхалъ позже? Степанычъ смутился.

— Такъ, случайно! отвѣчалъ онъ. Мнѣ сказали въ канцеляріи нечаянно, въ разговорѣ, между прочимъ... А знаете ли, ѣсть смерть хочется...

— Попрося, завтра послѣ обѣдень подадутъ, началъ-было незнакомецъ.

— Опять!..

— Да, вѣдь я тихо...

— Ни тихо, ни громко! Тебя не спрашиваютъ. А какъ полагаете, Борисъ Петровичъ, завтра въ путь-дороженьку?..

— Да какъ ѣхать? Говорятъ ямщики, что на почтовомъ стану, будто два три переѣзда еще можно кое-какъ на колесахъ, а тамъ ужъ никакъ, самъ не знаю что дѣлать...

— Закурить съ-горя трубку, сказалъ незнакомецъ и принялся за табачный снарядъ.

— Помилосердуйте! перебилъ Борисъ. Моя больная сестра, если слышитъ такое зловоніе...

— Пусть заткнетъ носъ, а тутъ каждый хозяинъ, и этого никто мнѣ запретить не можетъ...